

18+

Анастасия Сирень

Отчаянные

Анастасия Сирень

Отчаянные

«Издательские решения»

Сирень А.

Отчаянные / А. Сирень — «Издательские решения»,

Они встретились случайно. Оба одинокие. Оба с истерзанной душой.
Она бросила всё и уехала в неизвестном направлении. Он только вышел
из психиатрической больницы с одним рюкзаком на плечах и болью в сердце.
Смогут ли они существовать вместе? Удастся ли им победить отчаяние или
они утонут в нем? Книга содержит нецензурную брань.

© Сирень А.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	10
III	14
IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Отчаянные

Анастасия Сирень

*Странно, до чего же кривые дороги мы зачастую выбираем, лишь
бы не показать, что чувствуем!*

Эрих Мария Ремарк. «Ночь в Лиссабоне»

© Анастасия Сирень, 2026

ISBN 978-5-0070-8393-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Я вышел с заправки. В лицо мне ударил ледяной ветер. Он обжёг легкие. Я тут же отвернулся, слегка покачнувшись на слабых ногах.

Неожиданно для себя я плюхнулся на твёрдую скамейку. Нижние конечности дрожали. То ли от холода, то ли от слабости. Или от всего сразу.

Я закрыл глаза, чтобы не видеть света фонарей. От них голова болела сильнее. Я откинулся на спинку скамейки, прислонившись затылком к каменной стене.

Гудение чего-то, как и ощущение холода, просачивалось сквозь кожу в мышцы и мозг, полностью въедаясь в меня. Под этот непрекращающийся звук я, кажется, начал засыпать.

Открыл глаза только когда над ухом раздался чей-то голос. Я не сразу понял, кто это. Изображение было размытым. Все перемешалось, я чувствовал себя еще хуже, чем до этого.

— Мужчина, вам плохо? — единственное, что я мог разобрать. И то не сразу. Даже после этих слов не понимал, что обращаются именно ко мне. Ответом моим был лишь болезненный стон.

Человек помахал рукой прямо перед моим носом и пощелкал пальцами, а затем сел рядом — Ещё не дай Бог помрет прямо здесь... — только сейчас я смог различить женский голос.

Я повернул голову, с тем же звуком, полным отчаяния и боли, и силуэт начал проясняться.

— Вы меня слышите?

После нескольких попыток я наконец смог пошевелиться и сесть прямо.

— Да...

— Очнулся наконец, — донесся до меня недовольный шепот, — вам плохо?

— Голова болит... — голова у меня и в самом деле трещала по швам.

После честного ответа послышался недовольный вздох. А затем я почувствовал что-то у себя во рту и чуть не задохнулся от дыма. Я закашлялся, но вовремя подставил руки и поймал сигарету.

— Боже...

В этом одном «Боже» было сразу столько презрения, отвращения, и даже где-то про-скальзывала жалость. Через мгновение я прокашлялся и пришел в себя. Тлеющая сигарета больно обожгла мне пальцы, и я уронил её в лужу.

Справа от меня кто-то снова тяжело вздохнул. Это, судя по всему, была та самая женщина, затолкнувшая мне в рот курево. Зрение отказывалось полностью возвращаться ко мне, поэтому черты незнакомки оставались для меня размытыми. Но я всеми внутренностями чувствовал раздражение, исходившее от неё.

— Может позвать кого-нибудь? — не отставала она от меня. — Где ваша машина?

— У меня нет машины.

Я не помнил, как оказался здесь, но точно мог сказать, что за рулем не был. Права у меня забрали — это почему-то хорошо отложилось в моей памяти.

Молчание. Похоже она подумала, что я не в себе, но, впрочем, так оно и было. Если я приехал сюда с кем-то, то с кем именно уже вспомнить не мог.

— Вы с кем-то приехали? — а она все допытывалась. — Господи, и не оставишь ведь его.

Она неожиданно поднялась на ноги. Пару минут походила туда-сюда, а потом протянула мне что-то. Еще одна сигарета. Я взял её. Она чиркнула зажигалкой. Теперь я старался её не выронить. Мне стало немного лучше.

— Спасибо, — я виновато поднял на неё глаза.

— Да не за что, — она снова села. — Ну и что мне с вами делать?

Я молчал. Чувство стыда было для меня привычным, но сейчас я ощущал его особенно остро. Взгляд женщины стал смягчаться. Я понял это, потому что мое напряжение сходило на нет.

— Куда направляетесь?

Я не ответил.

— А вы?

Она тоже промолчала.

Видимо ей это всё надоело, и она ушла.

Я тут же встал и догнал её.

— Подождите!

— Чего? — она резко остановилась.

— Можно я с вами поеду? — неожиданно даже для себя спросил я. — Я заплачу.

Снова осуждающий взгляд. Внутри меня все сжимается.

Она сделала мне жест рукой, и я тут же последовал за ней, как бездомный пес.

— На переднее. Сзади места нет.

Я сел на переднее. В салоне было тепло. Она села на водительское место, и мы выехали с заправки.

Практически сразу же я уснул. Не ожидал, что вообще смогу снова так глубоко заснуть после продолжительной бессонницы.

При пробуждении из моей груди снова вырвался стон. Чувствовал я себя по-прежнему преотвратно.

Кругом была темнота. До меня не сразу дошло, открыл я глаза или еще нет. Я опять не понимал, где нахожусь, но одно радовало: голове стало легче. Я потрогал рукой лицо и не нашел на нем очков. А до этого они точно сидели на моем носу.

— Выспался?

Я повернул голову. Практически сразу вспомнил, что произошло на заправке.

— Сколько мы едем? — я не узнал свой голос. Он был ужасно хриплым, как у старого деда.

— Часов пять, если не больше.

— А где мы?

— Понятия не имею. Но через пару часов должны быть в Н., — пока отвечала мне, она ни разу не повернулась, все время следила за дорогой.

Больше вопросов я задать не решился. Я не хотел думать, что мне делать в Н. Остаться там, или ехать дальше. Зачем я вообще попросил меня взять? Я даже не был уверен, что смогу как-то отблагодарить ее. Обещал, что заплачу, но забыл, есть ли у меня хоть какие-то денежные средства.

Машина неожиданно ставила скорость и съехала на обочину.

— Всё. Больше не могу, — со стоном произнесла мой водитель.

Она открыла дверь и шум дороги заполнил наше маленькое душное пространство.

— Я иду спать. Здесь ничего не трогать.

Она забралась на заднее сиденье и легла. Прямо не раздеваясь. Я не услышал стука ботинок об пол и звука молнии куртки. Я не стал отвечать и постарался снова заснуть.

Это оказалось гораздо сложнее. Под ровное движение машины по трассе я быстро отключился, а сейчас она стояла.

Позже я всё-таки задремал. В глубокий сон провалиться не получилось.

Через время я почувствовал, как машина снова завелась и мы поехали, но не стал открывать глаза.

Окончательно очнулся я от того, что мы снова остановились. Распахнул веки. На водительском сиденье никого не было. Я потер глаза. Очков по-прежнему не находилось. Я оглядел салон полуслепыми глазами.

Очки валялись у меня в ногах. Когда я поднял их, к счастью, обнаружил, что они не сломанные, просто испачкались. Денег на новые у меня не было. Я насколько мог очистил их и надел. Вокруг все заиграло новыми красками.

Дверь с моей стороны открылась.

— Доброе утро, — приветствовал меня уже знакомый голос. — Кофе будешь?

Я кивнул и вылез из машины. Это удалось мне не сразу. Только сейчас я почувствовал, как затекли мышцы. Ног я не чувствовал и стоял на них не твердо.

Она протянула бумажный стаканчик. Он был ещё горячий. Я взял, руки у меня дрожали. Я посмотрел вдаль и мне открылся чудесный вид. Небо было голубое с серыми облаками, за ними пряталось солнце. Стеснялось, словно школьница. Я совсем забыл каково это — проснуться утром и увидеть столь красивое небо. Выйти на улицу, когда тебе хочется, и вдохнуть свежего воздуха. А не через решетки на грязных окнах, наслаждаясь криками других сумасшедших.

Вчера вечером, когда встретил свою спасительницу, я по какой-то причине не мог вспомнить таких подробностей своей прошлой жизни.

Я прервал свое наслаждение утренним пейзажем. Она стояла рядом со мной. Удивительно маленькая, ниже меня на голову, и хрупкая, даже в толстой куртке. Каштановые волосы развивались под легким ветерком.

Она допивала свой кофе с очень недовольным выражением лица. Я выпил свой одним глотком. Напиток сразу же прожег горло и все внутренности.

Она вернулась в машину, я последовал за ней. Оказывается, всё это время, что мы ехали, в моих ногах стоял мой рюкзак. А я думал, что оказался здесь совсем без вещей. Хотя наличие рюкзака еще не гарантирует того, что в нем что-то окажется.

Я почувствовал на себе взгляд. Мои глаза встретились с ее глазами. В них было больно смотреть. Белки налиты кровью; черные зрачки выделялись на голубо-зеленой радужке, как две маленькие точки. Я заметил, что они слегка расширились. Взгляд ее по-прежнему не выражал ничего доброго. Одно только презрение, прикрытое темными ресницами и непослушными прядями волос.

В этот момент я чувствовал уже меньше страха и стыда, чем вчера. Мне даже вдруг снова захотелось услышать, как эта, всё ещё незнакомая, женщина говорит в мой адрес неприятные слова, как они слетают с её розовых губ, словно капли яда. Правда в моей памяти не отложилось, что конкретно она говорила в прошлый вечер, может и вовсе ничего унижительного, но ее резкий тон до сих пор отдавался где-то в глубине моего сознания.

Видимо, ей надоели наши гляделки, и она отвернулась.

— Значит, так, — твердо произнесла она, поворачивая ключ зажигания, — доедем до ближайшего мотеля и там остановимся. А дальше расходимся. Подобрала я тебя, так скажем, из милости. Я не знала, в каком ты состоянии, может, прямо там, на скамейке и умер бы.

— И ты взяла меня, чтобы я умер у тебя в машине?

Шутка неудачная. Она бросила мне еще один злой взгляд. Я заткнулся.

Я пропустил момент, когда мы перешли на «ты», но ничего возражать не стал. Так даже было лучше. Спокойнее.

Я уставился в окно. Решил больше никак её не беспокоить. Ни словом, ни взглядом.

Доехали мы быстро. Около гостиницы, помимо нашей, было ещё две машины. Она вышла, я следом за ней. Не забыл прихватить рюкзак. Он сразу как-то неприятно надавил мне на плечо.

Гостиница представляла собой небольшое кирпичное здание в три этажа. Мы вошли. Никто из нас двоих не изъявил желания делить одну комнату и тем более одну постель. К счастью, два одноместных номера оказались свободны. Она заплатила за себя и уже собиралась уходить, но я её остановил.

— Ты бы не могла заплатить за меня? Я потом обязательно тебе все верну.

Видимо, моя просьба прозвучала настолько жалко, что она молча заплатила за меня. Даже без своего привычного выражения презрения на лице.

Наши номера оказались рядом, но больше надоедать своим обществом я не стал.

Комната маленькая. Застеленная кровать, рядом тумбочка. Я снял верхнюю одежду с рюкзаком и тут же упал на мягкий матрас. От такого простого действия по всему телу разлилось чувство удовлетворения. Я открыл свой рюкзак и начал в нем рыться.

Мне попало несколько предметов одежды, судя по запаху, не очень свежие. Следом кошелек, и не пустой, — это обрадовало еще больше. Документы, бритва, пачка, в которой всего две сигареты, там же зажигалка, на удивление рабочая. Пару книжек, содержание которых уже успело выветриться из моей головы, и море всякого мусора.

Я снял свитер и остался в одной майке. От прохлады помещения стало легче дышать. В номере оказалась еще одна дверь — за ней совмещенный санузел. Очень маленький и в нем стоял неприятный запах. Запах дешевых сигарет с канализацией.

Я вернулся на спальное место. Раздался стук, а затем дверь со скрипом открылась. Вошла она. Я даже не узнал ее сразу. Без множества слоев одежды ее фигура была красивой. Взгляд мягкий, спокойный, в нем даже проскальзывал намек на сострадание.

— Живой? — она встала около кровати, скрестив руки на груди.

— Отчасти, — мои губы изогнулись в грустной улыбке.

Я решил сделать то, что хотел, пока окончательно не забыл. Достав кошелек, отсчитал несколько купюр и протянул женщине.

Здесь было больше, чем я должен ей за проживание. Она пересчитала деньги.

— Зачем так много?

— За помощь.

Она усмехнулась, но возражать не стала. Сунула деньги в карман спортивных штанов.

— На первом этаже кафе. Кормят, в принципе, ничего, — с этими словами она вышла из комнаты.

Остаток дня я провел в комнате. Есть не хотелось. Скурил две последние сигареты, чем испортил воздух в ванной еще больше, и лёг спать.

II

Бывает такое, что проспал долго, и даже выспался, но состояние странное.

Я проснулся именно в таком состоянии. Тупое ощущение в голове, но боли нет. Я долго смотрел на простыни и перед глазами плыли узоры. До меня не сразу дошло, что так быть не должно. Я проморгался. Теперь вовсе показался черный фон, но уже с другими узорами. Все-таки глаза мои пришли в норму. Но появилась другая проблема — пустой желудок.

Везде туман. В этой комнате, за комнатой, даже во мне самом. В этом тумане я оделся и вышел. Тяжелое и липкое чувство нависло надо мной. Как бывает летом, в жару.

Внизу — никого. Никого из живых. Перед глазами только тени. Они не двигались, значит, не живые, и среди них не было людей.

Я взял себе поесть. Как только сел за стол, меня сразу охватило желание уронить голову на грязное подобие скатерти и заснуть. Пусть эта липкость поглотит меня полностью.

Жевал бутерброд, по вкусу — картон с бумагой. Не растворившийся кофе хрустел на зубах. Полуслепыми глазами я уставился на телевизор, висевший под самым потолком.

На экране пела брюнетка. Вроде что-то про любовь и море — звук я слышал плохо. Потом ее сменила блондинка и пела уже о том, как не хочет расставаться со своим парнем.

Я долго еще сидел так, уставившись в телевизор, а потом меня будто окатило ледяной водой. Туман рассеялся, ко мне вернулось сознание. Передо мной пронеслись отрывки последних дней: как и благодаря кому я здесь оказался.

Я сорвался с места, поспешив вернуться в номер. Мое чутье меня не подвело: как только я поднялся по лестнице, она уже выходила. Одетая, с сумкой на плече.

— Стой! — крикнул я, разрушив по-видимому все её планы.

Она остановилась и уставилась на меня, будто видела в первый раз.

— Ты куда?

— Уезжаю, — произнесла она, как само собой разумеющееся.

Конечно, вчера она сказала, что мы доедем до гостиницы и разойдёмся. Но меня резко перестал устраивать такой ход событий.

— Можно я доеду с тобой до ближайшего города? И там разойдёмся, я обещаю. Я заплачу, — я смог произнести эти слова без дрожи. Наличие денег все-таки придает небольшую уверенность.

Её густые брови сдвинулись к переносице, на лбу вылезли морщинки.

— Я вам такси, что ли?

Ответ был ясен. Мои надежды умерли, даже не родившись. Но я не уходил, а стоял и чего-то ждал. Чего? Наверное, чуда. Я действовал ей на нервы с самого начала нашего странного знакомства.

Она решила поступить мудро — смириться, что придется потерпеть меня лишние несколько часов.

— Ладно. Собирайся и не тяни время. Жду внизу.

У меня словно камень с души упал. Я побежал в комнату, чуть не разбив нос об дверь, закинул в рюкзак всё, что валялось, и побежал догонять её. Добежав, плюхнулся на сиденье и перевел дух. Машина завелась, и мы тронулись.

Я переводил взгляд с окна на неё. Мне со вчера ещё не довелось увидеть её лицо хотя бы в расслабленном состоянии, не говоря уже об улыбке. Но такое напряженное, со сдвинутыми бровями и морщинами на лбу, оно мне нравилось.

Мне было неловко сидеть в тишине. Меня очень огорчала мысль, что через пару часов мы расстанемся уже окончательно и я её больше никогда не увижу. А я отчего-то уверен, что она сделает всё для того, чтобы мы никогда больше не встретились.

— И когда ты вернешься домой?

— В смысле? — ответила она вопросом на вопрос, не отрывая взгляда от дороги.

— Ну... Ты, судя по всему, путешествуешь, и наверняка у тебя есть куда вернуться. На напряженном лице появилась ухмылка.

— Нет у меня дома.

Я был шокирован.

— То есть как?

— А вот так. Я уже год так катаюсь. Ем, где придется, сплю в гостиницах. Когда нет возможности, на заднем сиденье машины. Так и живу.

Больше я не рискнул задавать вопросы.

В моей голове стали мелькать воспоминания из детства.

У отца машина. Он за рулем — мы с матерью на заднем сиденье. Так и путешествовали, когда у родителей был отпуск, а потом домой, в квартиру.

— Чего притих? — вывела она меня из раздумий. — Ты как оказался на заправке? Тоже дома нет?

Этот вопрос подразумевался как шутка, но в мозг нахлынула волна, которая вызвала неприятную дрожь по телу.

— Можно сказать, что нет.

— Чего так?

Мы оба взрослые люди, нет ничего такого, что воспринялось бы как-то негативно, но язык не поворачивался сказать правду.

— Сложно объяснить. Я недавно вышел из психушки.

Я не хотел вдаваться в подробности об одном из ужасных периодов моей жизни, но, видимо, стоило.

Ей хватило моего краткого признания. Она медленно повернула голову. Её глаза стали больше пятирублевой монеты. Она ничего больше не сказала.

Всю дорогу напряжение ясно чувствовалось. Она сжимала руль, а казалось, что мое горло. До этого разговора я не испытывал столько стыда за свою болезнь, сколько сейчас.

Детское смущение постепенно сменилось злостью. Какой-то частью своего раненого мозга я понимал, что ни в чем не виноват, что осуждение меня несправедливо. Но эти мысли быстро гасились другими.

Новая гостиница даже по внешнему виду была гораздо лучше, чем тот придорожный мотель. Мы взяли отдельные номера и разошлись. Она с радостью и я, впрочем, тоже. Но позже появилась та, кого я никак не ждал — тоска.

Даже в давящем молчании мне было, можно сказать, хорошо. Она однажды спасла меня, и теперь я, как слепой котёнок, ходил за ней по пятам и считал своей «хозяйкой». Это было ненормально, но сделать я ничего не мог, а если быть точнее — не хотел.

Ближе к вечеру я рискнул зайти к ней в номер, под предлогом, что у меня закончились сигареты. Она впустила. При входе в комнату в нос ударил запах дыма.

— Дай сигарету. Свои я вчера выкурил.

Она прикурила мне. Я почувствовал легкое головокружение. Её сигареты были крепче, чем мои.

— Осторожнее, — сказала она, увидев мою реакцию.

Я присел на край кровати рядом с пепельницей, которой служила жестяная банка из-под газировки, и вдавил окурок в жёсткий край.

А затем наступила тишина. Она длилась долго, мне стало неловко. Мой взгляд был прикован к ее коленкам. Вообще ноги у нее были красивые. Длинные и стройные. Мне захотелось дотронуться до ляшки. Я протянул руку и осторожно положил ее, едва касаясь ткани шорт.

Глаза женщины проследили за моим действием. Она не оттолкнула. Я погладил ее сквозь ткань шорт.

Молчание.

Я придвинулся ближе и поцеловал её. Хотя, скорее, просто коснулся своими губами её губ. С её стороны никакого сопротивления.

Я начал действовать более решительно. Свободная рука погладила мягкую щеку. Далее последовал нежный поцелуй, на который она отвечала, хоть и неохотно. Внутри меня начало разливаться странное тепло и по конечностям пробежала дрожь.

Я углубил поцелуй. Во всем её теле чувствовалось странное напряжение. Я не понимал, приятны ей мои действия или нет.

Мы продолжали целоваться. Когда уже хотел задать вопрос, она внезапно сказала:

— Выключи свет.

В два шага я добрался до выключателя, и комната погрузилась во мрак. Только слабые лучи закатного солнца немного спасали ситуацию. Я вернулся к кровати и стянул с себя майку.

Женщина, которую я хотел, смотрела на меня. Её светлый взгляд с того самого дня, как мы познакомились, вызывал во мне бурю эмоций. Сейчас я опять не узнавал её.

Лед растаял, обратившись в озеро. Два маленьких озера. Я хотел утонуть в них, но боялся спугнуть, опять заморозить, поэтому осторожно сел рядом с ней.

Далше последовали объятия. Мне хотелось быть с ней нежным, ластится у её ног, как кот и мурлыкать.

Я целовал виски, веки, уголки губ. Попробовал уложить эту хрупкую куколку на постель, и она поддалась. Складывалось впечатление, что я снова ребёнок и мне дали в руки игрушку, и пригрозили, чтобы я её не сломал. А я настолько заворожён, что боюсь излишне надавить на непрочный материал.

Моя щека прижалась к её щеке. Такой горячей и мягкой. Я оставил на ней такие же мягкие поцелуи. Она ответила мне, лишь коротким вздохом.

Когда наконец увидел её обнажённое тело, то меня начало трясти. От её теплого запаха кружилась голова.

Мои грубые пальцы лежали на внутренней стороне её бедра, а движения казались странными и неумелыми. Всё это время я избегал смотреть ей в глаза. Я боялся того, что в них увижу.

Я лежал на боку, она — спиной ко мне. Сонными глазами разглядывал её выпирающие позвонки.

Придвинувшись чуть ближе, я осторожно обнял женщину, обхватив рукой одну из её грудей. Она напряглась всем телом. Вся мягкость и тепло исчезли. Я тут же переместил руку на живот. Напряжение спало.

Я провел подушечками пальцев по нежной коже живота, оставил поцелуй на плече и заснул.

Снился сон или нет — я не понимал. Глаза открыты, но картинка размыта, как это обычно и бывает во снах.

Комнату заливал приятный солнечный свет. Лучи падали на волосы женщины, и пряди стали другого цвета — медно-рыжего. Быть обладательницей таких прядей несколько веков назад было равно смертной казни. Я смотрел сонным взглядом на них и согревался, как от камина.

Она сидела на краю кровати, такая же обнажённая, какой я обнимал её только что. Лицо было закрыто этими самыми огненными прядями. И вот голова повернулась, открылось для меня её лицо. Я разглядел только красные пятна на коже от слёз и больше ничего. А затем наступила темнота.

Открыл глаза и увидел все то же самое: ту же комнату, ту же кровать, за исключением яркого света — ведь она ушла.

На полу валялась моя одежда. Я натянул ее на влажное тело. Ткань прилипла к коже. Следовало сначала принять душ, но я хотела найти её. Это было необходимо.

Я решил пойти в её номер, но, осмотревшись, понял, что уже здесь и нахожусь.

Я обошел практически всю территорию гостиницы, но безрезультатно. Мне ничего не оставалось, кроме как ждать. И я ждал, уже в своей комнате.

Когда солнце почти село, я услышал шаги в коридоре и хлопок соседней двери. Я тут же вышел, но остановился прямо перед её комнатой. В последний раз я испытывал такую тревогу, когда заходил в класс перед контрольной. Стоял, боялся дернуть ручку и открыть дверь.

Я вошел. Она, стоявшая ко мне спиной, резко обернулась. Мы застыли и смотрели друг на друга. В её глазах читались смутные и намеки на стыд, чего я никак не ожидал.

— Что случилось? — мой голос в тот момент ничем не отличался от голоса взволнованного подростка.

— А что-то случилось?

Я нервно сглотнул.

— Тебе не понравилось? — Ко всему прочему прибавилась сильная дрожь.

— А, ты про это... — Румянец окрасил её щеки. Она немного помялась, провела рукой по волосам. — Забудь.

Никогда бы не подумал, что пойму детей отстранённых родителей. Именно так я себя и ощущал. Мне было плохо, обидно, тревожно. Сердце билось где-то не в груди, а в ушах.

Я не понимал, что она подразумевала под словом «забуди». Я не понимал, что конкретно должен забыть.

Вина навалилась на меня и придавила. Я не должен был ничего делать. Говорить с ней, смотреть на неё, касаться её. На всё это на самом деле лежал запрет, который я нарушил.

— Извини, — всё, что я смог выдать из себя и вышел.

Внутри поселилось тупое чувство. Вроде ничего нет — пустота. Но эта пустота слишком странная, чтобы называться просто пустотой.

Мне нужно было с кем-то поговорить. Просто жизненно необходимо.

— Я не понимаю, что сделал не так... — От безысходности я обратился к стенам.

— Почему именно «не так»?

— Она меня стала избегать.

— А почему она не должна тебя избегать?

— Потому что я не хочу, чтобы она меня избегала. Потому что она мне нравится.

Последняя фраза прозвучала до жути жалобно и глухо. И вот, я — маленький ребенок, которому не купили понравившуюся игрушку. Но мне не нравилось слово «игрушка». По отношению к ней оно звучало слишком грубо.

Стоило мне подумать о ней, как скрипнула дверь. Я надеялся, что она не слышала этого признания. Не сейчас. Я должен был его произнести не таким тоном. Она закрыла за собой дверь и села рядом со мной. Достав из пачки сигарету, протянула мне, со словами:

— Не реви.

Я молча курил. Напряжение потихоньку спадало.

III

В той гостинице мы провели несколько дней. Это были дни странного спокойствия и неопределенности. Находится там было приятно. Вокруг чисто и тихо.

Я практически не выходил из комнаты, только иногда заходил к ней. Но она либо спала, либо её не было вовсе.

Я опять свил вокруг себя кокон и не хотел из него вылезать. Зачем существовать в социуме? Социум есть порождение зла и неприятностей. Общество навязывает комплексы, психологические проблемы. Моя болезнь появилась из-за общения с людьми? Всё возможно.

Аппетит пропал и желание курить, на удивление, тоже. В основном я спал. Сон — лучшее, что могли придумать. Иногда выбирался, чтобы пройтись по зданию и посшибать углы.

Между нами само собой образовалось некое понимание, но я предпочитал считать это чем-то вроде «духовной связи».

Она поняла, что от меня не отделаться и когда я вместе с ней сдал ключи от номера и пошёл к машине, ничего не сказала. Но я испытывал тревогу, что в любой момент она может передумать и выкинуть меня. А она могла.

Я не знал точно, рад или нет, когда в другой гостинице нам с улыбкой сообщили, что раздельных номеров не осталось. Клянусь, я видел, как внутри неё закипела кровь и пар повалил из ушей. Эта женщина явно не выносила чьего-то присутствия в своей жизни слишком долго. Я уже был готов сказать, что посплю на полу, в ванной, но администратор добавила, что остался номер с раздельными кроватями. Это было лучше, чем ничего.

День провели в молчании. Я думал, она будет стесняться переодеваться передо мной или делать подобные вещи, но в итоге всё наоборот. Я краснел, как школьница, а она с трудом сдерживала смех, прикусывая губу.

В такой же тишине мы легли спать. От переживаний мой сон был странным и беспокойным, но понял я это, когда почувствовал чью-то руку на своем плече. Пальцы сжимали мои мышцы и трясли изо всей силы. В конце концов я сел и уставился в темноту. С моих губ слетел недовольный стон.

— Всё нормально?

Прежде чем ответить на вопрос, я ещё немного посидел так, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

— Да... А что? — мой язык с трудом шевелился.

— Ты разговаривал во сне. Очень громко. Я испугалась.

— Да? — переспросил я.

Я даже не помнил, чтобы мне что-то снилось.

Разговор закончился, а она так и стояла надо мной. Остатки сна быстро исчезли. Я протянул к ней руки.

— Иди ко мне.

Я развалился на кровати. Сон начал забирать меня в свои сладкие объятия. До ушей дошёл странный звук.

Как бы я ни пытался игнорировать его — бесполезно. Я различил всхлипы и тихий шёпот.

Выпрямившись, я увидел её, сидящую на краю кровати. Она вся сжалась, обхватив своё голое тело руками, и уткнулась лицом в колени.

Я протянул руку, чтобы забрать её к себе.

— Ну-ну, всё, иди сюда...

Она тут же прижалась ко мне, голова легла на грудь. Сам я приподнял подушку и сел, чтобы ей было удобнее лежать.

Я обнимал и гладил маленькое дрожащее тельце.

Я нисколько не радовался её горю, просто мне было так хорошо, что я наконец могу отплатить ей за её доброту ко мне. А ещё успокаивало, что она не стала уходить или убегать, а сразу прижалась ко мне.

Я хотел стать для неё утешением. Хотя бы в этот момент.

Я ласкал её, пока не стихли последние рыдания, а дыхание не выровнялось. Только тогда я позволил себе заснуть.

Проснулся раньше неё. Она до сих пор лежала в моих объятиях. Я не переставал удивляться хрупкости этой женщины и её сочетанию с грозным характером.

Мои губы легко прикоснулись к макушке. Волосы пахли пылью, дымом и теплом. Совсем слегка чувствовался клубничный шампунь. Я оставил нежные поцелуи на лбу и костяшках пальцев.

Я прикрыл глаза. Легкая сонливость присутствовала. В комнате было тепло, а от объятий жарко.

Она проснулась.

— Как ты?

Она тяжело вздохнула, или даже простонала. Веки её припухли и покраснели от слёз.

— Голова болит, — голос её был более хриплым, чем обычно.

Я сел.

— Принести таблетку?

Она отрицательно промычала.

Я посидел немного, искусав губы.

— Чай хочешь?

Немного помолчав, она так же промычала, но уже утвердительно.

Я слез, оделся и вышел. Вернулся уже с чаем в пластиковом стаканчике. Чёрным, крепким и сладким. В кармане лежало обезболивающее, только что купленное в аптеке. Я взял их на всякий случай. Может, мне удастся уговорить её выпить таблетку, если станет хуже.

В комнате я застал ее в том же положении. При моём появлении она никак не отреагировала. Может снова заснула. Я осторожно поставил чай на тумбочку. Она со стоном повернулась и приоткрыла глаза.

— Пей, — сказал я.

Она приподнялась, чтобы сесть, и взяла стакан. Одеяло сползло, обнажив грудь. Она тут же прижала его к себе свободной рукой. Мне стало от этого неприятно, даже обидно, но я промолчал. Я испытывал что-то похожее на ревность, но не понимал от чего.

— Спасибо... — всё так же хрипло произнесла она, ложась на подушки.

Я слабо улыбнулся.

— Можешь остаться лежать на моей кровати.

Она не ответила и закрыла глаза.

Я сел на пол. Мог без проблем сесть рядом на кровать, но в моей голове промелькнула мысль, что ей может быть неприятно, поэтому решил не рисковать.

Позже захотелось курить, но я держался. Мне не хотелось уходить отсюда, даже на пару минут. Я сидел и крутил в руках полупустую пачку. Достал одну сигарету и сломал ее. Тут же засунул обратно, чтобы табак не рассыпался по полу и выругался про себя.

Она снова проснулась. Я тут же поднял взгляд на неё. Вид её сонной, слегка опухшей и расслабленной заставил в моей груди что-то шевельнуться. Я снова захотел её, но оставался неподвижным. Откуда во мне столько животного желания? Человек страдает по моей вине, а я представляю с ним соитие.

Я винил себя за её вчерашнюю истерику и холод после нашей первой близости. Я сделал что-то не так, а она из вежливости не могла сказать об этом. Лучше бы она меня ударила и ушла.

— Ты как? — наконец спросил я.

— Лучше, — она потеряла переносицу.

— Может все-таки выпьешь таблетку? Или принести ещё чаю? Или ты хочешь что-нибудь другое?

Всё это я произнес на одном дыхании. Губы её тронула лёгкая улыбка.

— Ты чего так носишься со мной?

Я отвёл взгляд. В её присутствии я не вылезал из роли глупого школьника.

— Потому что ты мне нравишься.

Ответа не последовало. Улыбка пропала с лица. И снова чувство вины захватило меня в свои объятия.

— Ты имеешь ввиду, что тебе нравится со мной спать?

Она просто неправильно поняла меня. Ещё можно все исправить.

— Да, но... Не только, — хрипло сказал я и откашлялся. — Ты сама мне нравишься...

И без этого.

Опять это осуждающее выражение лица.

Она поменяла позу. Одеяло снова начало сползать, но её изящная рука удержала его.

— И можешь не прикрываться.

Ну почему я не могу вовремя заткнуться?

— И что ты хочешь от меня? — после долгого молчания спросила она.

— Ничего, — мой голос должен был выражать безразличие, но прозвучал очень жалобно и грустно.

Было видно, что я её разозлил, заставил нервничать.

Она легла на постель.

— Опять голова болит?

Ответом было — «угу».

Вина уже потихоньку откусывала от меня кусочки и очень этим наслаждалась.

— Прости.

Она повернулась ко мне и бросила презрительный взгляд прищуренных глаз.

— Ты то тут причем?

И, не дав мне ответить, отвернулась.

Я не выдержал и вышел. На улице с наслаждением затянулся сигаретой. Ту, которую сломал, выбросил, хотя было жалко. На улице потеплело, я стоял без куртки. Дул слабый приятный ветерок.

Стало спокойнее. Вина оставила меня, затаилась, ожидая следующего удобного случая.

Я решил всё же добиться более внятного ответа на своё признание. Я докурил и поел, а потом вернулся в номер. Она уже была одета, но по-прежнему лежала в моей кровати.

Я достал таблетку из блистера и протянул ей.

Недоверчиво зыркнула на меня, но все же проглотила. Я открыл только что купленную бутылку с водой и вручил ей. Она запила.

— Тебе делать больше нечего? — спросила она, возвращая бутылку.

— Да. Но если бы я не хотел, я бы не делал этого. Даже если мне нечего делать.

Тяжелый вздох. Поняла, что даже тут я отступить не намерен.

— Чего ты хочешь? — немного резко спросила она.

— Я хочу быть рядом.

— Со мной?

— С тобой.

— Ты и так не отходишь от меня ни на шаг.

— Я чувствую, что ты держишь дистанцию. Ты не подпускаешь меня близко. Ты уходишь от разговора.

Я был шокирован, как уверенно произнёс эти слова.

Она провела рукой по пушистым волосам.

— Я не хочу разговаривать на эту тему.

— Почему?

Она обхватила руками колени и положила на них голову. Волнистые пряди упали, закрывая от меня лицо.

— Не хочу. Мне неприятно.

— Разговаривать со мной неприятно, а трахаться приятно?

Я начал злиться, даже чуть повысил голос, но тут же пожалел об этом. Она подняла голову. Лучше бы она тоже разозлилась на меня, накричала, избила, но её глаза были стеклянными.

— Прости. Я не хотел, — быстро стушевался я.

Она снова спрятала лицо. Я поднялся с пола, сел рядом с ней и приобнял. Она не оттолкнула.

— Делай что хочешь, но больше не заводи таких разговоров. Давай не будем разговаривать об этом?

— Давай, — сейчас я был согласен на что угодно.

Её голова легла мне на плечо. Недолго думая, я поцеловал её в щеку, а затем в губы. Она отвернулась и уткнулась в мою шею.

— Отстань. Ты колючий.

— Вчера тебя это не особо волновало.

Я тут же получил за свои слова — маленькие пальчики сжали мой огромный нос. От боли я застонал. Она убрала руки.

— Мне показалось, или что-то хрустнуло? — она села и смотрела на моё искажившееся лицо.

— Он сломан. — ответил я, потирая переносицу.

— Каким образом?

— Подрался с санитарями.

Густые брови на женском лице взлетели вверх.

— Как ты вообще вышел оттуда?

Я пожал плечами.

— Но вышел же.

Пару минут она рассматривала мой нос. По поводу него у меня не развился никакой комплекс. Что с прямым носом, что с переломанным, красавцем я не был. В зеркало смотрел без отвращения. Чувствовал, что надо что-то менять, но не хотел. А сейчас, под её пристальным взглядом, всерьёз задумался об этом.

— Ты хотя бы дышать можешь?

— Ну, бывает трудно. Голова начинает болеть.

— Не думал сделать операцию?

Я пожал плечами. По правде говоря, я только сейчас осознал, что у меня действительно сломан нос. Я вдохнул и почувствовал, как мало воздуха поступило в мозг.

— Не дышится? — словно издеваясь, спросила рыжеволосая бестия.

Я отрицательно помотал головой. Её рука вновь потянулась к моему носу, я остановил, схватив за запястье.

Кинув на неё предупреждающий взгляд, я увидел то, от чего хотел плакать и смеяться одновременно.

Жалобный взгляд, как у маленького беспомощного котенка. Я ждал, когда она приоткроет губы и мяукнет. Голубые глазки неотрывно смотрели на моё грубое лицо и я, как под гипнозом, отпустил запястье.

Она этого и добивалась. Лапка тут же поднялась к моему лицу. Я закрыл глаза и сжался, готовясь к очередной боли, но вместо этого ощутил нежнейшее прикосновение. Лёгкое, как перышко.

— Ты так смотришь, будто я тебя убивать собираюсь, — сказала она, проводя подушечкой пальца по горбинке.

— Несколько минут назад ты чуть не лишила меня носа.

— А ты против?

— Вообще, нет.

Через пару секунд на месте пальцев оказались её зубы.

Было не больно, а даже приятно.

— Похоже, в аптеке мне дали не те таблетки.

Вместо ответа — очередной «кусь».

— Иди поешь. Я пока не готов стать жертвой каннибала.

— Я не голодная.

— Я тоже.

В ту ночь мы опять заснули в одной постели.

Я попытался поцеловать её, но она молча отвернулась. Лучше бы она обвинила во всем мою щетину, чем я себя.

В следующие дни она была спокойна. Не злилась, но вела себя отстраненно, сама диалог не заводила.

Каждый был занят своими делами. Хотя какие у меня могли быть дела. Я просто выходил из гостиницы и шатался по улицам.

Один раз заблудился и вернулся в номер только после вечерних сумерек. Когда открывал дверь, представлял её лицо — на нём лежал отпечаток тревоги. И вот я вхожу, а она, если не кидается мне в объятия, то просто улыбается и спокойно выдыхает. Но её не было.

В один день она снова куда-то собиралась — накидывала куртку на плечи и завязывала шнурки.

— Ты куда?

— Просто пройтись. А что?

— Можно с тобой?

Она оторвалась от шнурков своих кроссовок и посмотрела на меня.

— Пошли.

Мы вышли. Серые облака закрыли солнце. Ветра не было совсем, что очень радовало.

Шли молча, рядом. Я хотел взять её за руку, но побаивался. Я совсем не понимал, какие отношения складываются между нами, если вообще складываются. После многочисленных отказов, попытки завести серьезный разговор я прекратил.

Тонкая рука протянула мне пачку. Я взял, она мне прикурила. Так мы и шли по улицам, мимо домов, поворачиваясь к проезжей части на каждый шум мотора. Людей было не много, потому что гостиница располагалась на окраине, но всё равно во мне проснулась тревога. Но что удивило меня: рядом с объектом моей симпатии я ощущал её меньше. Она вселяла в меня некую уверенность. Несмотря на непредсказуемый характер женщины, я чувствовал себя комфортно.

— Ты говорила, что уже год так живешь, — внезапно произнес я.

Её взгляд метнулся ко мне — знак того, что она хотя бы услышала меня.

Я продолжил:

— Это, наверное, тяжело. И дорого очень.

— Ну да, — она пожала плечами и отвела взгляд. — Не легко.

— И насколько долго ты остаешься в одной гостинице? Или каждый раз по-разному?

— Я завела себе правило: дольше недели не задерживаться. Конечно, бывали исключения из-за непогоды или поломки машины. Но это были единичные случаи.

— А деньги? Ты, наверное, долго копила?

— Нет. Это было, так скажем, незапланированное решение. Я просто в один день резко собрала все вещи, погрузила в машину и поехала. Деньги были, но я особенно ни на что не тратилась, поэтому накопилась кое-какая сумма.

— Просто так? Бросила всё и всех? — моему удивлению не было предела.

Она резко повернулась ко мне.

— Мне было нечего бросать.

На это мой мозг не придумал ответ.

— Чего ты так удивляешься? Сам то наверняка не в одиночку сидел всё это время. Ещё поди жена есть, дети. Ищут тебя, а ты и не в курсе. — хмыкнула она.

— У меня нет штампа в паспорте. Я смотрел, — со вздохом ответил я на её язвительное замечание. — И, если честно, я не помню, чтобы у меня остался кто-то из родственников.

— Ты вообще ничего не помнишь?

— Нет.

Она достала ещё одну сигарету.

Мимо прошла девушка с собакой. Пёс был похож на хаски и бежал вперед, от чего натягивался поводок. Хозяйка тянула своего питомца назад, но ему был слишком интересен внешний мир, чтобы обращать внимания на хозяйку.

Собака внезапно подбежала к моей спутнице, залаяла и попыталась напрыгнуть на неё. Женщина чуть отошла и прижалась боком ко мне. Хозяйка собаки оттащила своего питомца за ошейник и извинилась перед нами.

Я взял её за руку. Ладонь была холодной и влажной.

— Боишься собак?

— Нет. Просто не очень люблю. Я больше кошатница.

— Я люблю собак — зачем-то начал я развивать эту тему — у меня была в детстве.

— Какой породы?

— Дворняжка. Зато добрая была и умная. Умерла только рано. Ей всего восемь было.

— От чего? — она наклонилась и заглянула мне в лицо.

— Съела что-то и отравилась.

Она потрепала меня по волосам и прижалась ко мне. Видимо, в знак утешения.

Я всё-таки решил побриться. Подобные процедуры, и даже обычное мытьё давались мне с трудом. Будь я один, то вряд ли так следил за собой, как сейчас.

Мне было стыдно перед ней. Хотелось выглядеть более привлекательно, хотелось нравиться ей. Во мне даже зародилась некая «мечта»: она меня целует, по своей инициативе.

Я не узнал себя. Из зеркала на меня смотрел худой парень, только недавно закончивший ВУЗ, у которого всё ещё впереди.

Я взъерошил волосы. Меня откинуло ещё на пять лет назад. Теперь я выпускник школы. Я почти ничего не ел — вот скулы и заострились. Добавьте к этому нос с искривлённой пере-

городкой, густые брови, тонкие губы да ещё тёмные волнистые волосы — и получите меня во всей красе. То есть, то самое «чучело».

Чем дольше себя разглядываешь, тем больше разочаровываешься. По крайней мере у меня так бывает постоянно.

Я вышел из ванной. Она так же сидела на кровати, не поменяв позы. Халат слабо завязан, волосы все еще влажные.

От увиденного зрелища она была в еще большем шоке, чем я.

— Ладно, беру свои слова обратно. С бородой тебе было лучше.

Я ничего не ответил и просто сел рядом с ней.

Она легла. Одну ногу оставила согнутую в колене, а другую положила на нее и покачивала ей в воздухе. Я осторожно наклонился и поцеловал её в место между пальцами и лодыжкой. Она слегка дернула ступнёй. Я оставил ещё пару поцелуев, а затем взял её ногу и начал расцеловывать каждый палец.

— Что ты делаешь?

Я не стал отрываться от своего занятия и не удостоил её ответом. От лодыжки я поднялся вверх, оставив поцелуи на голени. И снова спустился вниз, прикоснувшись губами к мозоли и проведя по нежной коже языком. Она пошевелила пальцами.

От пятки проложил новую дорожку поцелуев до бедра. Я прикасался к каждому синяку, к каждой вене.

Поменяв положение, губами начал ласкать тонкую кожу на внутренней стороне ляжки, иногда несильно прикусывая. А затем поцеловал её между бедер.

Звуков она почти не издавала, но я ощущал дрожь, проходившую по всему телу женщины, пока мой язык выводил различные узоры. Руки мои нежно сжимали ягодички, а большой палец выводил успокаивающие круги.

Закончив, я посмотрел на её лицо. Раскрасневшееся, с блестящими глазами. Нижняя часть от носа до подбородка прикрыта ладонью.

Я раздвинул халат и припал к горячей груди, оставляя такие же горячие и влажные следы.

Я облизал губы. Её вкус остался у меня на языке.

Мы слились в мягком поцелуе. И от этого простого действия, от обычного прикосновения губами я испытал гораздо больше удовлетворения. Я чуть прикусил её нижнюю губу, совсем слегка, за что меня ущипнули за бок.

— Не кусайся, — произнесла она, когда я отстранился.

Я поцеловал её еще раз, на этот раз без укусов и лёг.

Практически сразу меня начал преследовать шум, похожий на жужжание насекомых. Я ворочался, затыкал уши подушкой, звук не утихал. От моих резких движений он прерывался, но потом обрушивался на меня с такой же силой.

Встав с кровати, я сделал несколько кругов по номеру. Единственная радость — сейчас ночь. Днем бы к слуховым галлюцинациям прибавились зрительные.

Я снова лег и попытался не обращать внимания на жужжание. Что-то слева от меня зашевелилось.

— Ты чего? — спросила она хриплым от сна голосом.

Мне было стыдно говорить правду, но я всё же пробормотал, что у меня галлюцинации.

— Ты слышишь голоса? — продолжила она после некоторого молчания.

— Сейчас нет. Сейчас просто шум. Ужасный шум.

Я услышал её вздохи и ёрзанье на простынях.

— Ложись ближе ко мне.

Я послушно придвинулся ближе, а она заставила меня положить голову ей на грудь. Я охотно подчинился. Стало гораздо теплее и мягче. Пальцы запутались в моих волосах.

Уж не знаю, что она хотела этим сделать, но мне стало спокойнее. Шум я слышать продолжал, но уже не так сильно на него реагировал. Тревога рассеялась.

IV

Всё что я смог узнать о ней за месяц нашего сожительства, — практически ничего. Я не понимал её от слова совсем. Но одно знал точно: она всё ещё не хотела подпускать меня слишком близко.

Мы жили теперь в одной комнате, но, когда можно было взять номер с двумя кроватями вместо одной, она брала. Меня это не трогало, потому что периодически она приходила спать ко мне в постель.

Несколько раз мы занимались любовью. Инициатива всегда была моя и каждый раз после этого она плакала. Я обнимал её, утешал, а она поддавалась. Это сильно волновало. Попытки поговорить ни к чему не приводили: она постоянно делала вид, что не слышит или не понимает. В итоге я перестал лезть к ней с вопросами. На душе скребло, ощущал себя полным мудаком, но казалось, что так будет лучше. Улучшений не наблюдалось — или всему виной моя паранойя. Мысли об этом не отпускали: в душе, в кафе, в машине. Порой хотелось броситься ей в ноги и умолять перестать мучить, наконец сказать, что не так. Но что-то не давало.

Этих «но» неожиданно возникло очень много.

Она не любила, когда я первый заговаривал с ней и сама редко начинала диалог. После того, как я прекратил свои расспросы, обиделась на меня. Или мне так казалось. Я чувствовал на себе её пристальный взгляд, но как только поднимал глаза, она тут же отворачивалась.

Я не забыл ту ночь, когда лежал в её объятиях, спасаясь от ненавистных галлюцинаций. Когда они снова мучали, я приходил к ней, получал утешение и был на седьмом небе от счастья.

Может, мне нужно начать притворяться, чтобы получать её ласку?

Не позволяла совесть. От этих метаний я запутался ещё сильнее. Стоило лишь попросить и она была готова сделать для меня всё, что угодно. Но в свои дела и проблемы не позволяла вмешиваться.

Мне отчаянно хотелось вмешаться, прорваться сквозь невидимую стену. Я чувствовал себя нытиком и идиотом, когда рассказывал о несуществующих шумах и фигурах в своей голове. Доводя себя подобными мыслями и рассуждениями, я психовал и никак не мог успокоиться.

Торчать в номере стало моим любимым занятием, но только когда я делал это по своей воле.

Небо решило разразиться плачем от моих жалких попыток привлечь понравившуюся мне женщину.

Я сидел на подоконнике, прислонившись щекой к холодному окну. Капли ударялись о стекло и скатывались вниз. Все это сопровождалось раскатами грома.

Я не боялся грозы — она меня всегда раздражала. Я не выносил посторонних шумов — они мешали мыслительному процессу.

Наши окна выходили на проезжую часть, поэтому я решил обратить своё внимание на машины. Будто перенесся на тридцать лет назад.

Красная, жёлтая, серая, чёрная, белая, красная...

Вскоре мне наскучило. Краем глаза я заметил, что рыжая сидит на своей кровати и что-то читает. Я повернулся к ней лицом.

— Что читаешь?

— Ремарка, — был ответ, который для меня ничего не значил.

Дальше школьных учебников с литературой я знаком не был. Помнил только Чехова, Толстого, Достоевского. Из зарубежных: Шекспира. На этом мои познания заканчивались.

Я слез с подоконника и подсел к ней. Она не отрывала взгляда от букв. Я подождал, пока она обратит на меня внимание. Через пару минут книга закрылась.

— Можно посмотреть?

Сперва недоверчивый взгляд (без него не обходился ни один наш диалог), а затем тонкая рука протянула мне книгу. Я взял её.

Тоненькая книжечка в мягкой обложке, которая ещё немного и отвалится от страниц. Краски потерялись и рисунок различить было сложно. Я смог разглядеть только лицо женщины и черную машину. Красивым шрифтом напечатана надпись: «Эрих Мария Ремарк. Жизнь займы». Страницы пожелтевшие, шрифт ужасно мелкий.

— И, о чём она? — я вернул ей книгу.

— О смерти. О том, как человек пытается принять, что его конец неизбежен. О том, что нужно жить здесь и сейчас, пока у тебя есть такая возможность.

Она серьезно смотрела на меня, прижимая книгу к груди.

Судя по её словам — произведение было с глубоким смыслом и явно не для моего неразвитого мозга.

— Тебе нравится? — всё, что смог спросить я.

— Это моя любимая книга. — Она положила её на тумбочку — Впервые прочитала в четырнадцать лет и много раз перечитывала.

Я обнял её и притянул к себе. Её голова легла мне на плечо.

— Ни разу не видел, чтобы ты читала.

— Раньше я читала очень много. Гулянкам предпочитала спокойный вечер дома с книгой в руках. — Она бросила взгляд на книгу и вздохнула — Обидно только, что мне не с кем было поговорить обо всём прочитанном.

Я устыдился своей необразованности. Впервые она решила поделиться со мной чем-то личным, и я не мог поддержать диалог.

— А сейчас почему перестала? Если тебе так нравилось?

— Бывает, что мы вырастаем из всего. Из одежды, из увлечений, даже из дружбы. Вот и я видимо выросла. Хотя после школы на филолога учиться пошла. Хотелось знать больше... И ведь работала потом по специальности.

В её глазах стояла горечь. Слова так и хотели вырваться наружу, это видел даже я — слепой идиот.

— И ушла с работы. Опять же: почему?

— Ну, не все люди всю жизнь сидят на одной работе.

— Но ты сейчас не работаешь. Я удивляюсь: откуда ты брала деньги весь этот год?

— Зимой пришлось сесть и найти подработку. Но это всего лишь на зиму. А затем всё по новой.

— Ты же говорила, что не задерживаешь на одном месте дольше недели?

— Это как раз исключительный случай. Конечно, я могла жить на улице и просить милостыню, но не хотелось попасть в обезьянник или замерзнуть. Я предпочитаю другую смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.